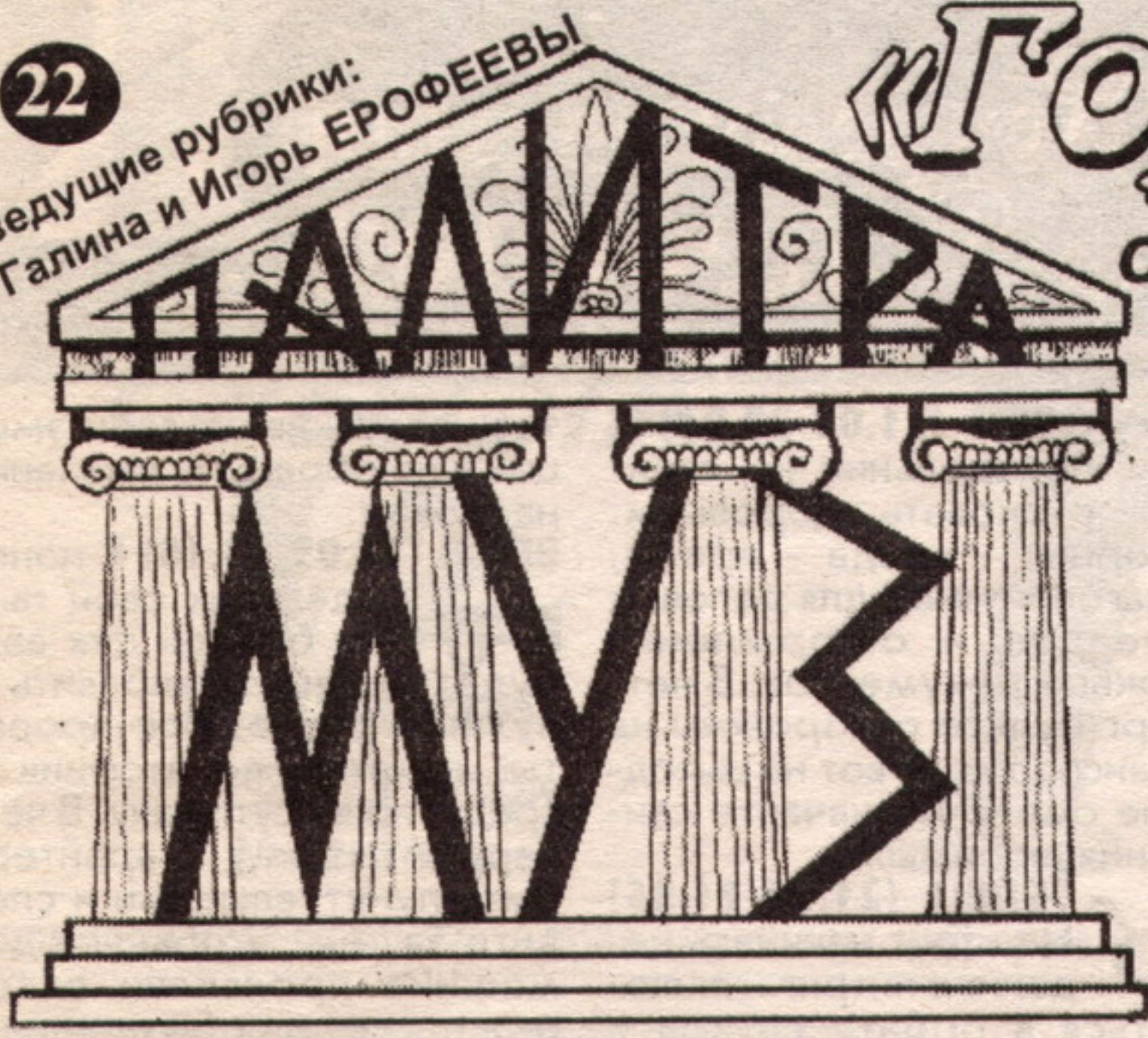

22
ведущие рубрики:
Галина и Игорь ЕРОФЕЕВЫ

«Город детства - две реки...»

Сегодня на суд читателей представляются "городские" стихи Игоря ЕРОФЕЕВА.

Тема города, очень значимая для автора, подается им как бы в двух измерениях. Он пишет и о городе вполне конкретном, родном, - где появился на свет и с которым крепко связана жизнь; где сливаются две реки, бегущие потом общим руслом в близкое море; где изгибается над водами одной из них "горбатый" мост; где парит над черепицей "андерсеновских" крыш и кипенью каштанов "готика шпилей"; где стоит над фундаментом погибшего в войну дома "каменный с вождем помост"... И пишет о городе "вообще" - как о некоем образовании, создаваемом человеком для удобства проживания и представляющем собой не простую "совокупность" домов - "больших вещей", "расфасованных в улицы", - а сложную целостность, своего рода организм, который не только "служит по назначению", но и живет, "дышит", "терпит", сострадает человеку и сам страдает от его неразумия, небрежения, ждет понимания, заботы, любви. Причем город не противопоставляется природе - он как бы особенное ее продолжение, порожденное особенным ее явлением - человеком, которому нужно "жить городами".

Мы публикуем стихотворения как из уже готового к печати сборника "Жить на ветру...", так и из недавно начатой и только формирующейся книги лирики "Неба тонкие узоры".
(Возможно, читатель знаком с другими стихами "городского" цикла, печатавшимися в журнале "Мой город Черняховск", № 3-6: "Город детства - две реки...", "Где-то", "Как же так?" и некоторыми иными.)

Из сборника «Жить на ветру...»

Улица

Родная улица, что курица,
Пестрая и сварливая,
Фонари висят на столбах
Неспелыми сливами,
Пристроились кое-как
К дороге дома...

Явно не Берлин,
И даже не Кострома.
А кругом - кутерьма...
- Сыннок, пора домой!
- Еще полчаса, ма!
...Это и есть мой город,
Красивый и седой:

С фонтанов
Бурлящими вазами,
С парками
Под сонными вязами,
На губах балконов
Макияж герани,
Истории потерты
Ветхие грани,
Река смывается
О зеленые берега
И высокостажные стога...

А улица моя
Так и тянется куда-то,
К какому-то краю, -
Планида ее такая:
Родиться из камня

В руках людских
От сих до сих...
Ничто в этом мире не вечно -
Ни я, ни та же улица,
Ни небо, ни даже Бог...
Но мы еще живы пока,
И все так же плывут облака,
И все так же течет река -
Да теперь уж не так глубока.
И сам я живу долго
Из времени далека -
Уходит мое солнце...
Прощай, брат, пока...

Мой город в тысячу домов
С веками выщербленной кожей
И с площади центральной ложей,
Где строгий зритель - Саваоф.

В предместьях сотовых река
Лежит в сутулых берегах,
И башни на кривых ногах
И шпили режут облака.

Мой город в тысячу огней
Висит на сваях и лесах,
И обнажен на полюсах,
И взрыт пружинами корней.

Гранитный шоколад дорог
Уводит в посторонний храм,
Где светом теплится вольфрам
И Бог задумчив, хмур и строг.

Мой город в тысячу смертей
Терзает подоконный мир,
К чуме заказывая пир
На время сменных скоростей.

Старый город зябнет грудью
Плоской площади гранитной.
Он задурен серым камнем,
Паутиной водосточной,
Возбужден электротокм
И страдает от движенья
Обезумевших людей.

А они находят Бога
Под златыми куполами,
И утрачивают душу,
Отлучив ее от тела,
И теряются от неба,

Что взшло непостижимо
Над начавшейся землей.
Только город одинокий -
Со стеклом холодных улиц
Между черными домами,
С крепким неводом витрин -
Остается вросшим в землю,
Вбитым сваями по плечи,
Сползшим окнами по грудь...

Ты его покинешь тоже
Недалекой стороною,
Разлинованной крестами...
Как и я... когда-нибудь.

Из сборника «Неба тонкие узоры»

Осенний город сер и неприветлив,
Его дома промерзли и дрожат,
Стянули грудь ему речные петли,
И храм златым крестом к земле
прижат.

А небо тонкое разорвано,
не дышит,
И даль, исколотая звездами,
саднит, -
И только время нас по-прежнему
не слышит,
И только Бог еще по-прежнему
хранит.

Но мы с тобою так же уязвимы,
Любовь у нас - ровесница беды...
Легли на улиц мокнущие спины
Прощальных слов кровавые следы.

Помню

1

Разве он забудется,
городок мой - умница:

Где какая улица,
где стоял костел,
Реки где стыкуются,
ивы где сутуляются,
Мину как немецкую
бросили в костер?

Где жил дух в развалинах -
замковых оскалинах,
Как с горы катались мы
связкой - "в паровоз",
Как на детский праздник
в Доме пионеров
Подарил мне мишку
пьяный Дед Мороз?

Как с моста сигали,
гнутого дугою,
В реку умалимую наши пацаны,
Как в покойном парке
на лихой "тарзанке",
Прыгая - "табаня",
рвали мы штаны?

Помню, где стояла
лавка с керосином,
А на месте цеха
рос сливовый сад.

Помню запах дома,
вкус краяхи с тмином,
Как смотрели с крыши
праздничный парад.

Помню подземелья,
что с войны остались, -
Лазы "до Берлина"
или "до царя";

Как копали тайно за чужим сараем -
Отыскать пытались дом из янтара.

Помню, давним летом
крест спилили с кирпичи,
Рухнул он на землю - ахнула толпа;
Как склады горели,
реки как мелели,

Как страшила нас "змеиная тропа";
Как на старом доме
выросла березка -

И сейчас она жива:
украшает сквер;
Как переплывали озеро на досках,
Глубине колодцев делали замер.

Помню, как снимали
о войне картину -
Прямо возле школы
шёл "кровавый" бой;

Как с землей сровняли
городскую кирху,
Что покой и тайну
унесла с собой;

Как наш край воспрывший
к Господу привязан;
Памятник как ставил
ночью мощный кран,

Чтоб не забывали - кто кому обязан,
Чтоб всегда был с нами
генерал Иван...

2

Город жив без парков
или площадей -
Только что б он значил
без самих людей?

Чем любви их больше -
краше города,
Их судьба похожа -
соткана в года...

Ты прости нас, город, -
мы не так плохи.
Я поверх твоих огней
написал стихи...

Все может быть

Город может быть большой -
Хищный и матерый, -
Может быть и незаметным,
Если поезд скорый.

Город разный, город грязный,
Россыпью огней заразный,
Город праздный и лучистый,
Город мятый, площадистый,
Город-сад и город-призрак, -
Люди - самый главный признак.

Город-пристань, город-порт,
Скверов бойких натюрморт;
Город скучен, одинаков
Или кроток, как Иаков;

С позаброшенной душой
Жизнь в нём кажется чужою.

Город Солнца, город света
Давит грудью парапеты,
Дышит сквозь окон петлицы,
Нашпигован, словно пицца,
Сыром крыш, сырым бетоном,
Солью пыли и картоном.

В кровотоках переходов -
Лейкоциты пешеходов;

Два города

Город мы построили
Сверху Инстербурга -
С необычным ликом,
С русской душой.

Вымощены улицы
С точностью хирурга,
Вылущены окна
В белый свет большой.

Графика Галины Каштановой-Ерофеевой

Коммунальное творенье -
В трюмах стадного движенья.
Город слишком осторожен
И развязками стреножен.

Город может быть неловок.
Сыпь на лике остановок,
Семафоров "чупа-чипсы",
На строениях-лоджий клипсы,
А на камерах слеженья
Выступает пот сомненья...

Намертво прибит к планете.
В нём живут и те и эти.
Швы дорог, тесьма проспектов,
И колдобины проектов,
И бульваров эпюлеты...
Город, милый, - где ты, где ты?

Улиц тонких выются шеи,
Город в роли ворожеи,
С шахтами подземных луз,
С ободом фонарных бус;
Транспорт тычется носами -
Ищут все таких, как сами.

Город-сити, город-град
Весь в морщинах от оград;
И спешат зевать ворота,
Кольцевых дорог гаррота;
Горлом хлынули глубоким
Из метро людей потоки.

Город - сытая столица,
Ока срочная зеница,
Город - воин, город - крепость, -
Есть ли большая нелепость? -
Город может быть тюрьмой...
Лучший город - город мой!

Здесь и островерхое
Красночерепичное:
Вроде бы чужое -
Вроде бы своё.

Здесь и угловатое
Массово-фабричное:
Пусть оно невзрачное -
Наше ж топорье.

Здесь ужились замок
С памятником павшим
И стоят напротив
Школа и собор.

Здесь кресты солдатам,
Богу жизнь отдавшим, -
Мы не вправе это
Ставить им в укор.

Общая здесь площадь
С лобным пьедесталом
И дома на улицах
В шрамах от людей.

Здесь сама природа
От всего устала -
Больше нет на озере
Белых лебедей.

И живут два города,
Скованных судьбою,
Со своею правдой,
Со своей бедой.

Их реки Анграпы
Не разлить водою -
Но и не связать их
Медною трубой.

Графика Галины Каштановой-Ерофеевой